

Акмеист Н. Гумилёв в 1914 году отходит в своём творчестве от неоромантического принципа двоемирия и выдвигает новую концепцию мироздания, согласно которой реальная жизнь, а не мир мечты является высшей ценностью, поскольку любые проявления действительности – от самых высоких до самых низких – благословляемы Богом. Именно поэтому в стихотворении “Наступление” 1914 года читаем:

*Та страна, что могла быть раем,
Стала логовищем огня.
Мы четвёртый день наступаем,
Мы не ели четыре дня.*

*Но не надо яства земного
В этот страшный и светлый час,
Оттого, что Господне слово
Лучше хлеба питает нас.*

Лирический герой Гумилёва не может умереть на войне, потому что он *носителю мысли великой*, то есть он часть божественного замысла. Сердце воина бьётся ровно и мерно, и он не сомневается, что вскоре ему суждено *рядить Победу, / Словно девушку, в жемчуга, / Проходя по дымному следу / Отступающего врага*. Война, таким образом, тоже есть часть божественного замысла.

Стихотворения, написанные в первый год Великой войны, обладают как общими, так и специфическими чертами. Ощущение, что грядёт великая катастрофа, после которой мир безвозвратно изменится, оказывается общим, а частные черты диктуются особенностями философско-эстетических концепций каждого из рассмотренных литературных направлений. Общим для всех направлений оказывается также мифологический субстрат, на основании которого война обретает символический статус и наделяется провиденциальными чертами. Мы полагаем, что наличие такой внушительной основы даёт возможность рассматривать текст Великой войны как сверхтекст.

Список литературы

- 1 Лотман, Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. / Ю. М. Лотман. – Таллин : Александра, 1992. – Т. 1 : Статьи по семиотике и типологии культуры. – 479 с.
- 2 Топоров, В. Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды / В. Н. Топоров. – Санкт-Петербург : «Искусство – СПб», 2003. – 616 с.
- 3 Купина, Н. А., Битенская Г. В. Сверхтекст и его разновидности / Н. А. Купина, Г. В. Битенская // Человек – Текст – Культура : сб. статей / ред. Н. А. Купина, Т. В. Матвеева. – Екатеринбург : Институт развития регионального образования, 1994. – С. 214–233.
- 4 Онлайн-библиотека [Электронный ресурс] / Большая онлайн-библиотека. – Режим доступа: <http://www.e-reading.club> – Дата доступа: 23.09.2016.

УДК 821.121.1'06–311.6

О. Л. СЕВЕРИНОВА
(г. Гомель, ГГУ имени Ф. Скорины)

ЛИТЕРАТУРНАЯ БАТАЛИСТИКА XX ВЕКА: “ЛЕЙТЕНАНТСКАЯ ПРОЗА”, “ВETERАНСКАЯ ПРОЗА”

В статье исследуется такой феномен литературной баталистики XX века, как “лейтенантская проза”, а также выделяется ее более поздний вариант бытования – “ветеранская проза”. Рассматривается связь данной модели “военной” прозы с предшествующей традицией, выявляются особенности ее структурной организации,

изучается роль образов особых состояний сознания в процессе создания подобного типа художественной реальности.

Объект нашего исследования – “лейтенантская проза”, созданная писателями-участниками Великой Отечественной войны в 50–80-ые гг. XX века, а также ее новый этап бытования – “ветеранская проза” – представляют собой образец сложной парадигмальной целостности и структурной гармонии, оформившейся в литературной баталистике. Одной из медиальных задач литературоведения на пути к прояснению современного состояния баталистики представляется описание свойств модели “лейтенантской прозы”, поскольку выявление литературных генетических основ “военной” прозы сегодняшнего дня, ее системных особенностей невозможно без формирования четких представлений о специфике предшествующих вариантов традиции художественного осмысления темы войны.

Точкой отсчета художественного преобразования и осмысления как самих событий Великой Отечественной войны, так и памяти о них, в данном случае является индивидуальный, глубоко субъективный взгляд писателя-фронтовика (в противовес безликой идеологизированной дистанцированной позиции) [1].

Настоящее писателя, заполненное художественно оформленной в прозу памятью о войне, хранит его точку зрения на военное вчера, которое разворачивалось всегда здесь и сейчас, а потому умещалось в его собственном офицерском планшетке. Масштаб этого взгляда, сфокусированного на карте-двухверстке, является осью художественного образа мира “лейтенантской прозы”, создававшейся в первые послевоенные десятилетия и в 70–80-е гг. XX в.: это “<...> взгляд автора, устремленный не на восторженную общую панораму героических побед и стратегической мудрости советских полководцев, а на котелок с пшеничной кашей в окопе” [2].

Материализуя этот абстрактный модельный локус, расставляя границы художественного пространства прозы, которая есть свидетельство памяти и знания о войне, Г. Бакланов в повести “Мертвые сраму не имут” вкладывает в руки своего героя капитана Васича карту, на которую не уместилась территория близлежащего леса: “В густом, засыпанном снегом сосняке Васич опять собрал людей и повел их на северо-запад. На карте, лежащей у него в планшетке, поместился только краешек этого леса – опушка, где они прорвались, опрокинув немецкую засаду. Дальше карты не было” [3, с. 313]. Таким образом, произведения писателей-фронтовиков, совокупно взятые в плоскости общей модели художественного явления, свидетельствуют о том, что традиция “лейтенантской прозы” порождает оригинальный масштаб изображения военных событий, который образуется из многочисленных художественных “двухверсток”. Эти точечные горизонтальные срезы правды о войне в художественной литературе, оказавшиеся в оппозиции к вертикальному официальному, идеологически канонизированному масштабу правды в формате “глобуса”, как бы “склеиваются” в единую карту. Но они демонстрируют не осколочную фрагментарность такой прозы, а ее выверенность, сложность и достоверность, то есть масштаб совсем иного художественного качества. Литературная карта-модель прозы о Великой Отечественной войне имеет свои особенности, важнейшей из которых надо признать ее неоднородность и поэтическую “зонированность”: обращение к теме войны, относящейся к разряду “вечных”, предполагает поиск ответов на встающие перед человеком вопросы с опорой на уже существующие в литературе попытки разрешить их в пространстве художественной прозы. По этой причине прозу писателей фронтового поколения можно рассматривать как феномен обновления классических романтической и реалистической традиций, а также апелляции к усиливающейся экзистенциальной традиции. Но все эти грани составляют суть одной традиции. Поэтому обратимся к конституирующему, стержневому элементу этого варианта традиции баталистики, явственно просматриваемому сквозь ее модельное ядро – карту-двухверстку.

Проза писателей-фронтовиков, наделенная советской идеологизированной критикой 50–60-х гг. такими исключительно пейоративными номинациями, как “окопная правда”, “реализм на подножном корму”, к современному читателю приходит уже очищенной от подобного идеологического налета с его акцентированием уничижительной оценки мелкого и незначительного явления. Сегодня некогда обесценивавшие “лейтенантскую прозу” определения, прошедшие коннотативную фильтрацию временем, выглядят исключительно точными и емкими характеристиками данного литературного феномена и подчеркивают главное достоинство такой прозы. Карты-двухверстки реальной географии времен Великой Отечественной войны в “лейтенантской прозе” отзеркаливаются и множатся в целом ряде образов: начиная от деталей быта и боя, заканчивая душевным состоянием главного героя – лейтенанта, сержанта, рядового. Эти два полюса фронтовой лирической повести [4, с. 164] кристаллизуют нравственный императив модели в целом, освещая его с разных позиций.

Внутренний конфликт модели всегда возникает на территории нравственности – территории совести героя: то есть движущие силы действия в произведениях сконцентрированы во внутреннем мире личности. В привязанности к подобному типу конфликта просматривается четкая установка писателя – познать человека перед лицом смерти. Здесь явно прослеживается тяготение к той конструкции, которую в XIX веке активно воссоздавал Л. Толстой.

Итак, “лейтенантская проза” принимает минимум (в виде отдельного человека) за максимум (всю ситуацию войны) – это еще одна аксиома модели. И потому индивидуальный взгляд на большую войну есть не что иное, как факт приобщения к труду целого народа во время войны; это такое соотношение части и целого, где часть не теряет себя в безликой массе, а наоборот – безликость панорамности и эпичности дробится и мельчает, умножая достоверность и правдивость.

Наряду с ситуацией испытания военным настоящим в произведениях “лейтенантской прозы” зачастую происходит необратимый процесс переоценки довоенного прошлого. Это время, как правило, принадлежит школьнику или студенту, который (опять-таки фиксируется соответствие “толстовской” традиции, отмеченной мощным этическим началом) боится не успеть побывать в ситуации героического служения Родине. Интересно, что в отличие от традиции XIX века, “лейтенантская проза” демонстрирует столкновение с правдой и прощание с наивной мечтательностью не столько посредством демонстрации самого процесса, сколько при помощи все той же детали (которая формирует и окопную вещную жизнь) и мгновенного изменения угла зрения. Следует отметить и тот факт, что внимание авторов нередко фокусируется не только на образах до-, но также и послевоенного жизненного опыта героев. У Б. Васильева (“Завтра была война”), Б. Балтера (“До свидания, мальчики!”) – это довоенное прошлое и послевоенное настоящее, у В. Быкова (“Мёртвым не баліць”), Д. Гранина (“Наш комбат”), В. Астафьева (“Звездопад”) – послевоенное настоящее и военное прошлое. Взгляд на войну не фиксирован, он одновременно и ретроспективен, и футуристичен. Такая подвижность художественного времени делает прозу о войне не канонически сухой и объективно-безликой, а по-человечески живой, психологически напряженной и нравственно заостренной. В каждом случае военное время становится отправным пунктом размышлений автора-фронтовика, и тогда довоенное прошлое и послевоенное настоящее трансформируются: динамические изменения происходят в условиях экстремальной ситуации, постулируя безвозвратность потери и того, и другого времени.

Как уже было замечено, “нравственный вектор конфликта” [4, с. 170] и неоднородность проблемного поля прозы писателей фронтового поколения способствуют естественному зонированию данной модели баталистики XX века, манифестируя ее сложный антропоцентричный характер.

Марк Липовецкий и Наум Лейдерман выделяют в данном явлении две тенденции – героико-романтическую и психологически-натуралистическую. В соответствии с

терминологическим рядом, используемым в нашей исследовании, мы обозначим эти составляющие как новую романтическую (повесть “В окопах Сталинграда” В. Некрасова, повести “Звездопад”, “Пастух и пастушка” В. Астафьева, повести “Южнее главного удара”, “Пядь земли”, “Мертвые сраму не имут” Г. Бакланова) и новую реалистическую грани (повесть “Звезда” Э. Казакевича, повесть “Последние залпы” и роман “Горячий снег” Ю. Бондарева, повесть “Падучая звезда” С. Никитина, роман “В списках не значился” и повесть “А зори здесь тихие” Б. Васильева). Однако отметим, что ряд произведений не укладывается в рамки, предлагаемые классическими моделями баталистики: в них факт восстановления мирообраза космоса в художественных условиях войны предопределяется ситуацией мучительного выбора, что явно отсылает к идейному коду философии экзистенциализма (например, А. Адамович, говорит о мощном влиянии творчества Ф. Достоевского – предтечи философии экзистенциализма – на творчество В. Быкова). Эту грань “лейтенантской прозы” мы обозначим как экзистенциальную (повести В. Быкова “Трэция ракета”, “Мёртвым не баліць”, “Сотнікаў”, повести “Убиты под Москвой”, “Крик”, “Это мы, господи!..” К. Воробьева, повесть “Сашка” В. Кондратьева).

Произведения о Великой Отечественной войне, написанные после 80-х гг. XX в., представляют собой историко-литературный феномен, генетически восходящий к модели “лейтенантской прозы”. Однако на данном этапе бытования “лейтенантская проза” порождает новые смыслы, актуальные уже не для лейтенантов этой войны, а для ее ветеранов. “Ветеранская проза” [5, с. 10] как факт обновления и динамики внутри традиции изображения народной войны писателями-фронтовиками специфична в силу того, что она не избежала влияния разрушительно-созидательного характера времени.

С 1990-х гг. литературная баталистика развивается в русле двух основных тенденций, которые, будучи положенными в основание описываемой модели еще в 50-е гг. XX в., актуализируются в новых условиях с особой силой. Речь идет о таких составляющих “лейтенантской прозы”, как натурализм в изображении войны и ее отчетливая экзистенциалистская ориентация на проблему человека в пограничной ситуации. Эта проза культивирует ситуацию выбора уже не только на уровне постановки вопроса внутри модели, но и в качестве проблемы выбора самой парадигмы, закономерно дистанцировавшейся от модели советской баталистики.

Экстремальный военный опыт, “вольно или невольно, переходя в ведомство истории” [6, с. 51], не только обезличивается (отдельная историческая личность заменяет народ с его множественной частностью), но и в противовес историческому обобщению из последних сил и возможностей сохраняется и умножается в художественной литературе. Приращение смыслов в ситуации другой современности подвергает память авторов-фронтовиков проверке посредством обновленной временем литературной парадигмы.

Война, испытывающая человека, по словам И. Кукулина, предстает здесь как “точка кризиса любой идентичности и даже как способ описания любой подобной точки” [7]. Порождением такого кризиса в художественной прозе на тему войны небезосновательно можно считать образы измененных состояний сознания (далее – ИСС), которые непротиворечиво накладываются на двойной травматический опыт воевавшего поколения: опыт самой войны и опыт утраты, размывания временем того, что было почвой, точкой опоры в военное и послевоенное время. Так, у В. Быкова в повести “Сцюжа” (1969, 1991) это явлено через переоценку партизаном Азевичем своей довоенной жизни: фактически в повести продемонстрирована схема настоящего открытия истинного прошлого. У Д. Гранина в романе “Мой лейтенант” проблема войны, не зная границ, разворачивается во времени, и под влиянием хронической актуальности этой проблемы раздваивается образ героя (образ лейтенанта Д. и образ повествователя). В рассказах “Темная ночь” и “Баня” А. Генатулина “бессонная память” [8] ветерана мечется между местами вчерашних боев и сегодняшней жизнью в московской хрущевке, ветеранской пенсией.

Образы ИСС буквально переполняют такую натуралистическую прозу, легитимируют бесстыдность и нормальность любых проявлений телесности, ее осязаемую, обоняемую образность. Этот художественный концентрат смешения всех человеческих чувств, жизненная синестезия обнаруживают себя в романе В. Астафьева “Прокляты и убиты” (1990–1992; 1992–1994) в образе “страдающего, гибнущего, изувеченного народного тела” [9]. Среди наиболее распространенных образов ИСС в “ветеранской прозе” необходимо выделить следующие: сон (сон, бессонница, недосып, дрема), бред и горячка больного/раненого, состояние нервного и физического перенапряжения, состояние сознания в экстремальной ситуации (переправа, бой), состояние алкогольного опьянения, предсмертное состояние сознания.

Показательно, что произведения писателей-ветеранов, посвященные теме рукотворного ада, не исключают из этого мира-ада и образ противника. Русский и немецкий солдаты в своей человеческой сущности сравнивались перед временем и смертью и теперь не только понимают желания друг друга, но и видят одинаково страшные сны, и даже пьют вместе (В. Астафьев, “Плацдарм”), что еще раз подтверждает значимость образов особых состояний сознания для литературной баталистики XX в.

Таким образом, парадигма художественной прозы-“двуверстки” свидетельствует о совершенстве и полноте модели “военной” прозы XX века. Это зафиксировано не только во внутренних свойствах самой прозы, но и в ее многополюсной ориентации на внешнюю литературную ситуацию: на предшествующий литературный опыт романтизма и реализма; на мировоззренческие установки экзистенциализма; на современный ей опыт официальной советской литературы; а также в ее футурологической направленности в пространство литературы последующих поколений с ее особым вниманием к сознанию человека.

Список литературы

- 1 Адамович, А. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 3. / А. Адамович. – Минск : Маст. лит., 1982. – 622 с.
- 2 Холмогоров, М. Воины и мародеры (Заметки о прозе Г. Бакланова) [Электронный ресурс] // Вопросы литературы, 1997. – №1. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/voplit/1997/1/holmog.html>. – Дата доступа : 27.09.2014.
- 3 Бакланов, Г. Я. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 1. Южнее главного удара; Пядь земли; Мертвые сраму не имут; Июль 41 года / Г. Я. Бакланов. – М. : Худож. лит., 1983. – 494 с.
- 4 Лейдерман, Н. Л. Современная русская литература: 1950–1990-е годы : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений : в 2 т. Т. 1. / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. – М. : Академия, 2003. – 416 с.
- 5 Афанасьев, И. “Это было на прошлой войне, или Богу приснилось во сне” / И. Афанасьев // Родина. – 2013. – № 12. – С. 8–11.
- 6 Лазарев, Л. И. В преддверии знаменательной даты (неюбилейные заметки) / Л. И. Лазарев // Война в славянской литературе / сост. И. Н. Афанасьев. – Мозырь : ООО ИД “Белый ветер”, 2006. – 402 с.
- 7 Кукулин, И. Регулирование боли (Предварительные заметки о трансформации травматического опыта Великой Отечественной / И. Кукулин / Второй мировой войны в русской литературе 1940–1970-х годов) [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас, 2005. – № 2–3. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ku37.html>. – Дата доступа : 15.09.2014.
- 8 Генатулин, А. Бессонная память [Электронный ресурс] // Знамя, 2010. – № 5. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/znamia/2010/5/ge2.html>. – Дата доступа : 20.09.2014.
- 9 Лейдерман, Н. Крик сердца (Творческий облик Виктора Астафьева) [Электронный ресурс] Н. Лейдерман // Урал, 2001. – № 10. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/ural/2001/10/Ural_2001_10_14-pr.html. – Дата доступа: 15.09.2014.